DOI 10.24412/2076-8176-2021-4-60-88

Николай Евгеньевич Кабанов и Борис Павлович Колесников. Одна тайга — одна судьба?..

Е.В. Васильева

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; evasileva12@yandex.ru.

В статье рассмотрены модели поведения двух учёных Дальнего Востока в 30–40-е гг. XX в. — годы жёсткой идеологизации отечественной науки. Это два известных дендролога Николай Евгеньевич Кабанов и Борис Павлович Колесников. Оба — доктора биологических наук, Борис Павлович с академическим званием член-корреспондента АН СССР, оба — с почётным званием «Заслуженный деятель науки РСФСР». У обоих обширный список публикаций и множество учеников. Оба сформировались как учёные на Дальнем Востоке. Оба покинули его. Статья открывает новые страницы в социальной истории науки. Для раскрытия данной темы привлечены ранее не использованные архивные документы.

Ключевые слова: наука, геоботаника, Дальневосточный государственный университет, Дальневосточный филиал АН СССР, идеологизация науки.

Они почти ровесники, с разницей в четыре года. Николай Евгеньевич Кабанов (рис. 1) был старшим.

Он родился 2 июля 1905 г. в с. Украинцево Пензенской губернии, а в 1907 г. семья переехала в Читу, где Кабанов провёл детство и отрочество. Большое влияние на выбор его жизненного пути оказал отец, агроном по профессии, поддержав поступление сына на Лесное отделение Читинского государственного университета[1]. В этот год (1923 г.) факультет с Лесным отделением перевели во Владивосток, и Николай продолжил учёбу и стал выпускником Государственного дальневосточного университета (ГДУ).

Произошло это в 1927 г., когда на то же Лесное отделение ГДУ был зачислен Борис Павлович Колесников (рис. 2).

[1] [Электронный ресурс]: URL: http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/kabanov.htm.

© Васильева Е.В., 2021

Рис. 1. Николай Евгеньевич Кабанов (1905–1992)
Fig. 1. Nikolai Evgenievich Kabanov (1905–1992)

Рис. 2. Борис Павлович Колесников (1909–1980)
Fig. 2. Boris Pavlovich Kolesnikov (1909–1980)

Рис. 3. Владимир Михайлович Савич
Fig. 3. Vladimir Mikhailovich Savich

Родился 30 мая 1909 г. в Санкт-Петербурге, а в 1911 г. его отца, военного фельдшера, перевели на Дальний Восток (Иванов, Пышкин, Бойко, 2008). Детство Бориса прошло в окружении тайги, ставшей центром его увлечений. В Университете у обоих были прекрасные учителя. У Николая — профессор Владимир Михайлович Савич (рис. 3)[2].

У Бориса Колесникова — профессор Борис Анатольевич Ивашкевич (рис. 4)[3].

Организационная работа обоими профессорами велась параллельно с исследовательской, большая часть которой была связана с длительными экспедициями. Участвуя в них будучи студентами, обретали опыт научной работы Николай Кабанов и Борис Колесников. В каких непростых условиях они проходили, можно судить по представленной ниже фотографии (рис. 5).

[2] Владимир Михайлович Савич (1885–1965) – учёный-лесовод. В 1923–1928 гг. профессор Государственного дальневосточного университета, в 1928–1931 гг. директор ДВКНИИ, в 1931–1932 гг. участник создания Дальневосточного филиала АН СССР, в 1933 г. — директор Дальневосточного отделения ВИРа.

[3] Борис Анатольевич Ивашкевич (1889–1936) – учёный-лесовод, исследователь лесов Дальнего Востока, профессор, первый директор Дальневосточного лесотехнического института.

Рис. 4. Борис Анатольевич Ивашкевич
Fig. 4. Boris Anatolievich Ivashkevich

Рис. 5. Экспедиция 1927 г. в Уссурийской тайге, которой руководил В.М. Савич и где принимал участие Н.Е. Кабанов
Fig. 5. The 1927 expedition in the Ussuri taiga, led by V.M. Savich, in which N.E. Kabanov participated

Николай по окончании ГДУ был принят в Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт (ДВКНИИ), а осенью 1930 г. поступил в аспирантуру только открывшегося Дальневосточного лесотехнического института (ДВЛТИ). Два года прошли в почти непрерывных экспедициях по Северному Сахалину. Успешность работы молодого учёного была отмечена в Институте: на-

кануне завершения аспирантуры он был премирован «капитальной библиотекой по ботанике»[4]. В вузе не существовало партийной ячейки, но ДВЛТИ с самого начала формировался как советский вуз, и отличили успехи Кабанова, как ударника социалистического соревнования, профсоюзная организация и бюро СНР (Союза научных работников).

Аспирантура Николая проходила в несколько иных политико-идеологических условиях, чем его годы учёбы в «не до конца советизированном» ГДУ и работы в неполитизированном ДВКНИИ, и он старался идти «в ногу со временем». Но лишь там, где это касалось теории и методологии науки. Примером тому служит проходившее в апреле 1930 г. Первое краевое геоботаническое совещание. Тогда как в центре ещё велась открытая борьба мнений между учёными, сопротивлявшимися соединению философии и естествознания, и марксистами, которые в то время сами были ещё далеки от окончательного решения (Колчинский, 1999, с. 28–32, 34), участники Совещания во Владивостоке единодушно высказались в пользу применения диалектики в собственных исследованиях[5]. В этом же русле прозвучал доклад Н.Е. Кабанова «Полевое фитосоциологическое описание участка лесной ассоциации». Отвечая на вопрос, не являются ли понятия социологии и социального явления в фитосоциологии случайными, он отстаивал правомочность их использования, сославшись на авторитет В.Н. Сукачёва (рис. 6)[6].

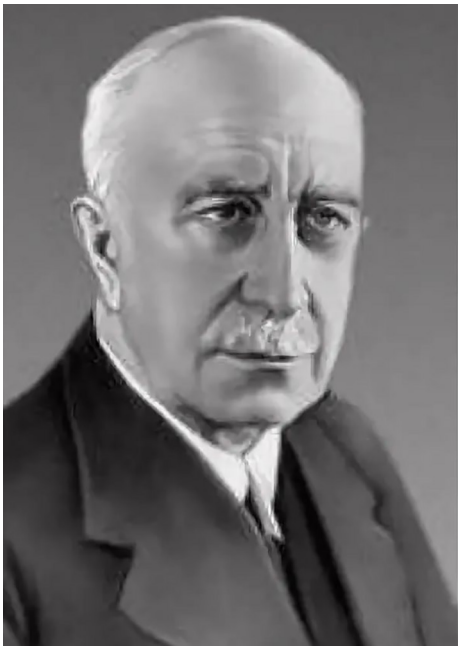

Рис. 6. Академик Владимир Николаевич Сукачёв
Fig. 6. Academician Vladimir Nikolaevich Sukachev

[4] Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 13. Л. 125.

[5] Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 409. Оп. 2. Д. 330. Л. 13–15.

[6] Владимир Николаевич Сукачёв (1880–1967) – учёный-геоботаник, лесовод, эколог, академик АН СССР.

Однако добавил, что «необходимо теперь же поставить вопрос о переработке и ревизии основ фитосоциологии, строго согласуя их с положением диалектического материализма»[7].

Подобные дискуссии в ДВЛТИ не велись. На долю Бориса пришлись экспедиционные работы и общественная деятельность. В том и другом он оказался прекрасным исполнителем. Летом 1932 г. в числе участников экспедиции, которой руководил Б.А. Ивашкевич, он, уже как аспирант ДВЛТИ, обследовал леса на севере Приморья. Изучение этого лесного массива Б.П. Колесников продолжил и в 1934 г. уже в качестве сотрудника Геоботанического сектора Дальневосточного филиала АН СССР (ДВФАН), где больше года трудился Николай Кабанов, приглашённый В.М. Савичем[8].

После ухода В.М. Савича из Филиала в 1933 г. Сектор, по личной просьбе академика В.Л. Комарова (рис. 7)[9], оставив Москву, возглавил Артемий Сергеевич Порецкий (рис. 8)[10].

Рис. 7. Владимир Леонтьевич Комаров
Fig. 7. Vladimir Leontievich Komarov

[7] АРАН. Ф. 409. Оп. 2. Д. 330. Л. 33.

[8] Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 4337. Оп. 1. Д. 6. Л. 89 об.

[9] Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) – учёный-ботаник и географ, академик, вице-президент (1930–1936) и президент (1936–1945) АН СССР.

[10] Артемий Сергеевич Порецкий (1901–1941) – учёный-ботаник, к. б. н. С 1933 г. заведующий Геоботаническим сектором ДВФАН, в 1937 г. – учёный секретарь Филиала.

Рис. 8. Артемий Сергеевич Порецкий
Fig. 8. Artemy Sergeevich Poretsky

С его появлением в работе сотрудников, ранее обращённой к прикладной тематике, изменилась направленность исследований. Как и академик В.Л. Комаров, А.С. Порецкий ориентировался на фундаментальную науку, соблюдая всю прикладную риторику. Какое-то время он продолжал выполнять задания Ботанического института АН СССР, одновременно занявшись изучением растительности южного Сихоте-Алиня и составлением геоботанической карты для «Большого атласа мира»[11]. Своим заместителем А.С. Порецкий избрал Н.Е. Кабанова. С ним он провёл и ряд совместных экспедиций, охватывающих незначительный лесной массив Приморья. Эти экспедиции были очень непродолжительными: всё упиралось в слабое финансирование ДВФАН и его неразвитую материальную базу. В 1934 г. они вместе провели Сучанскую почвенно-ботаническую экспедицию, и тем же летом Кабанов обследовал Охотское побережье. Вернее, один из его участков, другой, относящийся к Тернейскому району, «достался» Борису Колесникову[12]. Летом 1935 г. Б.П. Колесников участвовал в Сихоте-Алинской энтомолого-геоботанической экспедиции, руководимой А.И. Куренцовым (рис. 9)[13].

Н.Е. Кабанов, оставаясь тогда во Владивостоке, вместе с А.С. Порецким готовил к изданию «Типы растительности некоторых высот южного Сихотэ-Алиня» и параллельно вёл камеральную обработку материала по теме «Геоботанический очерк Советского Сахалина»[14]. Финансирование ДВФАН продолжало оставаться слабым,

[11] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 22. Л. 52–66.

[12] РГИА ДВ. Ф. 4337. Оп. 1. Д. 3. Л. 41, 45.

[13] Алексей Иванович Куренцов (1896–1975) – учёный-биолог, д. б. н., энтомолог, основатель дальневосточной школы энтомологов.

[14] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 10. Л. 13, 18.

Рис. 9. Алексей Иванович Куренцов
Fig. 9. Alexey Ivanovich Kurentsov

и в 1936–1937 гг. экспедиционные работы геоботаников проводились за счёт хоздоговора с заповедником Сихотэ-Алиня. Растительность заповедника обследовал Б.П. Колесников, составив геоботаническую карту всей территории. Н.Е. Кабанов в 1936 г. на средства заповедника совершил лишь короткую поездку на о. Петрова в Японском море, недалеко от р. Судзухе, опять почти рядом с местопребыванием Б.П. Колесникова (Краткий отчет Дальневосточного..., 1937, с. 20–21). Основную часть его времени всё ещё занимали камеральная обработка материала и составление вместе с А.С. Порецким геоботанической карты Дальнего Востока для Большого советского атласа мира[15].

Сахалинский материал лёг в основу кандидатской диссертации Н.Е. Кабанова, о защите которой заботился и А.С. Порецкий. Ради этого они ранней весной 1936 г. отбыли в Ботанический институт АН СССР. Предполагавшаяся защита должна была стать событием в жизни Филиала: до этого учёная степень кандидата наук его сотрудникам присваивалась без защиты диссертаций[16]. Заместителем был оставлен Б.П. Колесников, в центральной командировке побывавший несколько раньше.

В Москве А.С. Порецкий пробыл дольше Н.Е. Кабанова: ему важно лично убедить академика В.Л. Комарова в необходимости «обновить административное руководство» Филиала[17]. Так что к концу лета прежний учёный секретарь

[15] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 19. Л. 18; РГИА ДВ. Ф. 4337. Оп. 1. Д. 3. Л. 98.

[16] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 19. Л. 19–20.

[17] Там же. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1192. Л. 2 об., 3.

А.С. Давлетшин[18] был отозван, а в октябре 1936 г. на эту должность был назначен Порецкий[19].

Июль 1936 г. явился отправной точкой изоляции отечественной науки от науки мировой и ориентации преимущественно на прикладную тематику. Фундаментальные исследования уступали место прикладным, понятия «академизм» и «чистая наука» наполнялись негативным содержанием и нередко применялись к работам теоретического характера. Сигналом послужила редакционная статья газеты «Правда» от 3 июля «О врагах в советской маске» с обвинениями в адрес отечественного математика, академика Н.Н. Лузина (рис. 10)[20].

Рис. 10. Академик Николай Николаевич Лузин
Fig. 10. Academician Nikolay Nikolaevich Luzin

Основным из них было обвинение в «саботаже». К нему причислили публикации за границей в 1931–1935 гг. важнейших научных работ учёного (Юшкевич, 1991). После выхода 9 июля статьи «Традиция раболепия» появилась новая формулировка: «преклонение перед Западом». Отечественные учёные были мобилизованы на осуждение Н.Н. Лузина, поиски и выявление «раболепствующих», публикация за рубежом для них стала невозможной.

Начавшаяся кампания в Филиале какое-то время была оставлена без внимания: просто некому было «задавать тон». Из 47 его научных работников в 1936 г. было

[18] Абдулла Сибагатулович Давлетшин (1894–1963) – с 1934 по 1936 г. учёный секретарь ДВФАН.

[19] АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1192. Л. 8.

[20] Николай Николаевич Лузин (1983–1950) – учёный-математик, академик АН СССР.

только 4 коммуниста. Всю «политическую нагрузку» обычно брали на себя в местном комитете профсоюза и администрации, но пока ни там, ни там с этим не спешили.

В месткоме Н.Е. Кабанов возглавлял Сектор социалистического соревнования, Б.П. Колесников — культурно-массовый, что их обязывало к активной общественной позиции. Но в момент выхода статей они были поглощены делами своего Сектора. 22 июля 1936 г. после отчёта А.С. Порецкого о работе в первом полугодии Н.К. Кабанов говорил о необходимости «подтянуть зарплаты сотрудников филиала до окладов в хозяйственных и промышленных организаций города»[21]. Проблема выдвигалось месткомом, так как зарплата учёных Филиала, в те годы назначаемая местной властью, была предельно низкой. Б.П. Колесников же неожиданно для всех поставил вопрос о недопустимости одновременного выезда в командировку заведующего Сектором и его заместителя и передачи руководства третьим лицам[22].

Почему он, как раз явившийся этим «третьим лицом», об этом заговорил, прояснилось на следующий день при обсуждении производственной и общественной работы Сектора. С самого начала Б.П. Колесников, вопреки общему мнению, стал утверждать, что вести общественную работу в рабочее время просто необходимо, потому что коллектив недостаточно «спаен», а у многих его членов отсутствует ответственность[23]. В подтверждение привёл пример «нездоровых товарищеских отношений» и услышал, что до его выступления в роли заместителя заведующего обстановка в Секторе была нормальной и спокойной, а нетактичным вмешательством в работу кормовой базы он вызвал её развал и уход трёх сотрудников. В назревавший конфликт вмешался Н.Е. Кабанов, неявно поддержав Б.П. Колесникова, а «погасил» его А.С. Порецкий, пообещав поставить вопрос об увольнении виновных в случившемся[24].

25 июля на Общем собрании при обсуждении отчёта учёного секретаря А.С. Давлетшина руководители подразделений, включая А.С. Порецкого, заговорили о тяжелейшем финансовом положении Филиала, о ежегодном сокращении сметы, не позволяющем отвечать на запросы края[25]. Выступление Б.П. Колесникова вновь прозвучало диссонансом. По его словам, в Филиале недостаточно развёрнуто соцсоревнование и ударничество, в чём особенно отличаются химики и геологи[26].

На его речь собрание не откликнулось, но оратор не оставлял своей роли «сочувствующего» — официально признанной характеристики «беспартийного коммуниста»[27]. Им он был и 3 августа при запоздавшем обсуждении статьи «Традиция раболепия». После основного доклада выступавших было трое. К.А. Бродский[28] привёл пример о «жалком финансовом положении» морских институтов и станций за грани-

[21] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 22. Л. 52.

[22] Там же. Л. 53.

[23] Там же. Л. 61–62.

[24] Там же. Л. 62–65.

[25] Там же. Л. 69–70.

[26] Там же. Л. 71.

[27] Там же. Д. 67. Л. 20.

[28] Константин Абрамович Бродский (1907–1992) – учёный-биолог, к. б. н. В 1930-е гг. сотрудник ДВФАН.

цей, противопоставив иное положение у нас; К.Т. Метёлкин[29] примерно то же сказал о химической науке. На личности они не переходили. Б.П. Колесников, начав с утверждения превосходства отечественной науки над буржуазной, в заключение осудил директора Института химии В.О. Мохнача (рис. 11)[30].

Рис. 11. Владимир Онуфриевич Мохнач
Fig. 11. Vladimir Onufrievich Mokhnach

Он дословно передал оценку В.О. Мохначом «Вестника ДВФАН»: «Я предпочту свою работу напечатать за границей, чем у вас», — и тут же добавил, что о «Вестнике» очень низкого мнения все химики и геологи[31]. Сотрудники Филиала не были настроены на поиски врагов в своей среде и в резолюции собрания ограничились общим осуждением «низкопоклонства и раболепия»[32].

«Общим» осуждение было до определенного момента. Он не заставил себя ждать: в августе 1936 г. прошёл процесс над Антисоветским объединённым троцкистско-зиновьевским центром, в конце января 1937 г. — над Параллельным антисоветским троцкистским центром (Политические процессы..., 1994, с. 171, 210). В стране поднялась волна митингов в поддержку партийных решений с требованием расправы над «врагами народа». Изменилась форма политического участия и в ДВФАН: от ранее апатичной (наблюдательной), до переходной (промежуточной) — для большинства, а для какой-то части — гладиаторской (активной).

---

[29] Константин Тимофеевич Метёлкин (1905–1955) – учёный-химик, к. х. н. В 1930-х гг. сотрудник ДВФАН.

[30] Владимир Онуфриевич Мохнач (1899–1974) – учёный-химик, к. х. н. В 1934–1937 гг. возглавлял Институт химии ДВФАН

[31] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 22. Л. 79.

[32] Там же. Л. 80.

Происходившее не позволило оставаться «наблюдателем» Н.Е. Кабанову: в определённой мере к этому его обязывало членство в месткоме. Б.П. Колесников и ранее занимал позицию «гладиатора». Кроме того, политическая активность негласно становилась условием успешной защиты диссертации, к чему готовились оба. Но Н.Е. Кабанов мог не посещать каких-то собраний, а присутствуя, далеко не на каждом из них просил слова. Его не было среди пяти выступавших в прениях 21 января 1937 г. при обсуждении информации о троцкистско-зиновьевском параллельном центре. А 2 февраля на митинге в поддержку приговора Верховного суда участникам Параллельного центра в его словах скорее звучало недоумение: «Когда летом судили Зиновьева, Каменева и других, они говорили, что они последние представители борьбы. Но, как мы видим теперь, оказался еще Параллельный центр. Нет гарантии, что он последний и нет еще параллельных»[33]. Главным для него оставалась научная, на языке месткома — производственная, работа, а её показатели были не на высоте. В числе причин Н.Е. Кабанов на Отчёте в феврале 1937 г. назвал работу месткома: «Это авральная работа, потому и отсутствуют планы»[34].

«Гладиатор» Б.П. Колесников, председательствуя на упомянутом собрании 21 января, говорил: «Мы все единогласно просим уничтожения до корня этих врагов Советской власти. С ними церемонились долго. Они раскаялись, но несмотря на это вели шпионскую работу. Если по-ботанически выразиться, то вырвать нужно с корнем, если останутся корни, то опять вырастут. Уничтожить нужно навсегда»[35]. Столь резко в Филиале пока не выступал ни один из сотрудников. Из речи на митинге 2 февраля явно следовало, что Борис Павлович следит за всеми поворотами во внутренней политике страны: «Сталин говорил о том, что хоть мы и построили социализм, но классового врага мы еще не уничтожили. Он прикрывается партбилетами и другими формами. Поэтому надо уметь различать врага от друга»[36].

Вскоре прошёл Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б), решения которого в Филиале публично не обсуждали из-за наступления экспедиционного времени. Но обстановка там заметно менялась: его коллектив пополнился несколькими коммунистами. Один из них, геолог В.П. Тебеньков[37], встал во главе немногочисленных «гладиаторов», организуя митинги и собрания и оставаясь на них главным оратором, призывающим к расправе над «врагами народа». Силы и уверенности ему добавляли первые аресты, прошедшие среди сотрудников. Они пока были единичными. К тому же внимание отвлекли выборы в МК профсоюза, поскольку профорга не в Филиале избирали с 1933 г., а в 1936 г. их сменилось 7[38]. На выборах Н.Е. Кабанов, хотя и отклонял свою кандидатуру, опять возглавил комиссию по соцсоревнованию, как и Б.П. Колесников — культурно-массовый сектор[39].

---

[33] РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5. Л. 64.

[34] Там же. Л. 61.

[35] Там же. Л. 67 об.

[36] Там же. Л. 65.

[37] Вениамин Павлович Тебеньков (1906–?) – геолог. С 1937 по 1939 г. сотрудник, а затем руководитель Геологического сектора ДВФАН.

[38] РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5. Л. 46 об.

[39] Там же. Л. 54 об., 55.

Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», вышедший 30 июля 1937 г., ознаменовал начало массового террора. Операция, завершить которую планировали за 4 месяца, была намечена на 5 августа, а в ряде регионов, куда отнесли ДВК, — с 15 августа (Мозохин, 2006, с. 152). Приказ опубликован не был, но повсеместно пришёлся на подготовленную почву, как и в ДВФАН. На митинге 17 августа В.П. Тебеньков призвал искать и разоблачать «врагов народа» у себя. Отреагировал на это только А.С. Порецкий, с января утверждённый в должности учёного секретаря: «Я не говорю что в Филиале нет вредительства, нет вредителей. Если они есть у нас, то следует их беспощадно вскрывать и доказывать действительную их подрывную работу»[40].

С ордером на арест к нему пришли 21 августа. Аресты других сотрудников длились до конца октября, с последующим их исключением из членов СНР и профсоюза, с разоблачением на собраниях под лозунгом «ликвидации последствий вредительства»[41]. Н.Е. Кабанов выступал на них в редких случаях, никогда не упоминая имени своего арестованного руководителя. Встать на его защиту он, конечно, не мог, но не мог и не «разоблачать вредительства». Он выбрал некую нейтральную схему, как на проходившем с 10 по 16 октября 1937 г. заседании Президиума ДВФАН и с/х сектора Дальплана. Когда новый учёный секретарь Филиала И.И. Сидоришин[42] в числе «врагов народа» назвал А.С. Порецкого, Н.Е. Кабанов, как бы продолжая тему вредительства, заговорил о закрытии в последние годы на Дальнем Востоке вузов и научных станций биологической направленности, к чему А.С. Порецкий никакого отношения не имел[43]. 26 ноября он в общих словах поддержал сталинскую конституцию без какого бы то ни было упоминания о «врагах народа», промолчал 2 ноября на общем собрании «Методы работы вредителей — шпионов, диверсантов и ликвидация последствий вредительства»[44].

Основной доклад на нём сделал В.П. Тебеньков. В числе 12 выступавших в прениях последним был Б.П. Колесников. Он единственный заговорил о конкретных методах вредительства в Филиале: «спекуляции на трудностях, двурушничестве, зажиме молодых кадров и противопоставлении их старым». Далее перечислил то же, что ещё недавно относил к трудностям А.С. Порецкий, но обвинил в них арестованных: учёного секретаря и заведующих отделами, среди которых не было дальневосточников[45]. На выступление Б.П. Колесникова зал привычно ответил молчанием. Поддержал его только В.П. Тебеньков, крайне недовольный ходом прений. Б.П. Колесникова же он запомнил. До этого они были мало знакомы.

Н.Е. Кабанов вскоре уехал в Москву, где успешно защитил кандидатскую диссертацию «Лесная растительность советского Сахалина». Вернувшись, он застал «борьбу с последствиями вредительства» в разгаре: не прекращались митинги, менялись научные планы, менялось руководство. «Оголившиеся» подразделения возгла-

---

[40] РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5. Д. 5. Л. 42–44.

[41] Там же. Д. 3. Л. 2; Д. 5. Л. 37.

[42] Иван Иванович Сидоришин (1900–?) – учёный-химик. В 1938 г. назначен учёным секретарём ДВФАН.

[43] АРАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 435. Л. 4, 21.

[44] РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

[45] Там же. Л. 39.

вили местные научные работники. Заведующим Геологическим сектором, а вместе с тем и парторгом, стал В.П. Тебеньков, Геоботаническим — Н.Е. Кабанов[46].

Он по-прежнему в месткоме отвечал за социалистическое соревнование, как и Б.П. Колесников — за культурно-массовую работу[47]. Весной 1938 г. обоих включили в комиссию по составлению акта для подтверждения вредительства арестованных коллег. Подобные акты в ответ на требования НКВД были обычной практикой тех лет. В Филиале его закончили 7 мая 1938 г. и отправили в НКВД, продолжая добиваться утверждения новых планов, роста финансирования и развития материальной базы, обновлять кадровый потенциал. Последнее считалось необходимым, поскольку основная часть научных работников так и не разделили позиции «гладиаторов». Это не ускользнуло от Комиссии АН СССР, обследовавшей ДВФАН в октябре 1938 г.: «Научный и технический состав еще до конца не очищен от выходцев из чуждой среды…Все это создает в Филиале условия для проявления всяких нездоровых и скрытых враждебных настроений»[48].

Преодолеть эти настроения и менять кадровый состав было уже некому: с выходом Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П 4387 от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» массовый террор фактически прекратился, а в каждом учреждении и на каждом предприятии стали избавляться от их организаторов (Лубянка. Сталин..., 2004, с. 607–611). В Филиале был уволен главный «гладиатор» В.П. Тебеньков. Но оставался учёный секретарь И.И. Сидоришин — председатель комиссии, составлявшей акт. Открыто выступать против него не решались, но связывали все недостатки в работе Филиала с администрацией. В числе частых критиков был Н.Е. Кабанов.

Его промежуточная позиция оказалась поколебленной в ходе смягчения репрессивной политики. В феврале 1939 г. он давал показания в НКВД в защиту находившегося под арестом своего бывшего учителя, преподавателя ДВГУ Ф.И. Кузьмича[49], который в ходе следствия в том же месяце был выпущен на свободу[50]. В марте 1939 г. на заседании месткома Н.Е. Кабанов говорил: «Администрация ничего не делает в отношении помещения. Нужно поставить перед ней немедленно вопрос о рабочем и жилом помещении и о привлечении научных работников на ДВК, соответственно, о создании материальных условия для них. За своевольную установку зарплаты пойдут под суд и администрация, и Местный комитет»[51]. Последняя фраза была направлена непосредственно в адрес И.И. Сидоришина. Н.Е. Кабанов не забыл о своей попытке отстоять в декабре 1938 г. публикацию в 3-м томе Трудов Филиала статьи недавно арестованного коллеги А.А. Саверкина[52]. Именно И.И. Сидоришин наложил на неё запрет, пренебречь которым не позволило даже ходатайство Н.Е. Кабанова перед

---

[46] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 102. Л. 29.

[47] РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–4.

[48] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 98. Л. 12.

[49] Фёдор Исидорович Кузьмич (1889–?) – геофизик, в 1920–1930-е гг. преподаватель ГДУ/ДВГУ.

[50] ГАПК. Ф. 1588. Б/о. Д. П-18359. Л. 35–36, 41.

[51] РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 9. Л. 35.

[52] Саверкин Александр Александрович Саверкин (1899–?) – учёный-биолог, к. б. н. В 1932–1938 гг. – сотрудник ДВФАН.

академиком В.Л. Комаровым[53]. Но обвиняя нынешнее руководство, он тем самым защищал прежнее, подвергшееся аресту. В мае Н.Е. Кабанов вновь выступил против администрации: «Надо прямо сказать, что социалистическое соревнование срывает административный сектор, и указать конкретных виновников»[54].

Б.П. Колесников в дебатах начала 1939 г. не участвовал, готовясь к защите кандидатской диссертации «Растительность восточных склонов Среднего Сихотэ-Алиня». Защита успешно прошла в конце весны. Возвратился он чуть ли не накануне закрытия Филиала, от которого сохранили лишь одно подразделение: находившуюся в г. Уссурийске Горнотаежную станцию (ГТС)[55]. Её кадровый состав представляли только ботаники, но Н.Е. Кабанов и Б.П. Колесников были переведены на Северную базу АН СССР.

Борис Павлович провёл там около полутора лет, а в августе 1941 г. возвратился на ГТС и сразу начал разработку новой темы, предполагая одновременно фундаментальный и прикладной её характер, «Закономерности развития и методы эксплуатации лесов Дальнего Востока». Он провёл рекогносцировку наиболее типичных лесосек по кедровым лесам южного Приморья, выявил тип очистки кедровых лесосек, доказал, что в ряде случаев они вредны[56]. Тема была рассчитана на несколько лет и должна была лечь в основу его докторской диссертации, погрузиться в которую полностью не позволяла организационная работа. Он не только руководил ботаниками Станции, но был заместителем её директора, исполнял обязанности учёного секретаря, а с конца 1943 г. участвовал в формировании Дальневосточной базы АН СССР, создававшейся на базе ГТС. Б.П. Колесников, заменяя директора Базы, занялся формированием кадров, с этой целью направляя (официально База была создана 11 ноября) в Совет по филиалам и базам АН СССР одно письмо за другим[57]. Уже в первом из них он добивался возвращения на Базу Н.Е. Кабанова, которого 1 января 1944 г. Президиум АН СССР назначил её учёным секретарем, и просил воздействовать на руководство Северной базы, которое его «не отпускает, несмотря на решение Президиума АН СССР, желание самого Кабанова и его неоднократные обращения в Совет по филиалам и базам»[58].

В письме от 24 февраля 1944 г. Б.П. Колесников просил освободить его в течение первой половины 1945 г. от должности заведующего Почвенно-ботаническим сектором для подготовки текста докторской диссертации, защиту которой он намечал на 1946 г.[59] Просьбу не удовлетворили, и он выдвинул для Сектора общую тему «Дикорастущие полезные растения Приморского края». Сужение проблематики до *полезных растений* определялось ещё не окончившейся войной, с ориентацией на помощь фронту. В то же время она отражала сформировавшееся до войны и основанное на прагматизме общее требование к отечественной науке.

---

[53] АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 678. Л. 9.

[54] РГИА ДВ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 9. Л. 86 об.

[55] АРАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 757. Л. 4; Д. 759. Л. 15 об.

[56] Там же. Оп. 3. Д. 103. Л. 17–19.

[57] Архив Дальневосточного отделения РАН (далее – А ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 27. Л. 17, 33, 37–38.

[58] Там же. Л. 38.

[59] Там же. Л. 39–40.

Н.Е. Кабанов, заняв место учёного секретаря Базы, оставался сотрудником этого Сектора[60]. Начал он с анализа уже проделанной работы и планов на 1945 г., отмечая:

<…> плохо, что мы не имеем никаких руководящих материалов от АН СССР. Поэтому приходится работать ощупью. Много мешает работе также закулисные разговоры о недостатках…Научным работникам надо больше работать над повышением своей квалификации… Очень мало мы показываем свою работу. Не боремся за практическое внедрение своих результатов[61].

Все трудности в работе Базы он уже относил на счёт Академии наук, то есть центра. Б.П. Колесников тоже бросал упрёк академическому центру на совещании 16 марта 1945 г.: «Мы из года в год работаем с минимальными средствами и в ужасных материально-бытовых условиях (в полевой период). Есть предел такой работе, истощающей научных работников физически и морально»[62].

Последняя фраза была не случайной. Незадолго до этого Б.П. Колесников стал коммунистом, а при обсуждении своей кандидатуры 10 января услышал о себе много нелестного. Руководитель Базы Н.И. Жиляков[63]: «тов. Колесникова знаю давно как одного из лучших работников, но …у тов. Колесникова есть склонность к созданию склоки в коллективе, противопоставление товарищей друг другу»[64]. Ещё более категоричен был старейший учёный ГТС Т.П. Самойлов[65]:

Я тов. Колесникова знаю по работе на ГТС и на Базе. Отрицательными сторонами т. Колесникова являются: скрытность, пренебрежительное отношение к молодым работникам, не товарищеское отношение, он не желает оказывать им помощь. Примером может служить при приеме в кандидаты ВКП(б) т. Воробьева[66]… вместо того чтобы Воробьеву помочь, передать ему свои знания, Колесников бросает т. Воробьеву реплику: "Я бы лучше застрелился". У тов. Колесникова есть зависть к выдвижению товарищей[67].

Критику Б.П. Колесников принял: «Мои недостатки — это невыдержанность и резкость. Все замечания учту и изживу»[68]. Он действительно старался их «изживать». Как мог. Весной 1946 г. добился сохранения в Секторе на должностях старших научных

---

[60] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 49. Л. 30.

[61] Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 1-а.

[62] Там же. Оп. 13. Д. 4. Л. 3.

[63] Николай Иудович Жиляков (1901–?) – учёный-биолог, к. б. н. В 1940–1947 гг. – директор ГТС/Дв базы АН СССР.

[64] ГАПК. Ф. П-1494. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

[65] Тит Петрович Самойлов (1906–1974) – учёный-биолог, к. б. н. С начала 1920-х гг. сотрудник Ботанического кабинета, на основе которого была создана ГТС, с 1946 по 1967 г. её директор.

[66] Дмитрий Петрович Воробьёв (1906–1985) – учёный-ботаник, к. б. н. С 1932 г. бессменный сотрудник ГТС.

[67] ГАПК. Ф. П-1494. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

[68] Там же. Л. 2.

сотрудников трёх учёных, не имевших высшего образования. В октябре того же года осуждал коллег смежного сектора за то, что они не поместили в отчёте некоторых данных исследований: ведь это сокрытие результатов от научной общественности. Но, игнорируя объяснения, что эти данные готовились к открытой публикации, вновь всё соотнёс с политической обстановкой: «В свете последнего выступления т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» требования дирекции к поднятия качества отчетов правильны»[69].

Для Н.Е. Кабанова, кроме проблем с отчётностью, важными было развитие Базы, переехавшей во Владивосток. 26 октября 1946 г. он на заседании Научно-технического совета перед прибывшим во Владивосток чл.-корр. АН СССР Н.И. Гращенковым[70] говорил о необходимости создания в её структуре группы экономистов, историков и этнографов, об открытии на Дальнем Востоке университета, и просил Президиум АН СССР ускорить назначение директора Базы[71]. Напряжённую работу учёного секретаря Н.Е. Кабанов в этот год совмещал с завершением докторской диссертации. Результаты его усилий дали о себе знать весной 1947 г., когда в Ботаническом институте АН СССР состоялась её защита на тему «Состав и происхождение флоры Сахалина»[72].

В том же году директором Базы был назначен чл.-корр. АН СССР Н.И. Гращенков, остававшийся в Москве, а заместителем д. г.-м. н. В.С. Слодкевич, по сути ставший её фактическим руководителем (рис. 12)[73].

Рис. 12. Всеволод Сергеевич Слодкевич
Fig. 12. Vsevolod Sergeevich Slodkevich

[69] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 6-б. Л. 19; Л. 37 об.

[70] Николай Иванович Гращенков (1898–1965) – д. м. н., профессор, член-корреспондент АН СССР, академик АМН СССР и АН БССР.

[71] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 6-а. Л. 4.

[72] Там же. Д. 153. Л. 128, 161.

[73] Всеволод Сергеевич Слодкевич (1904–1964) – учёный-геолог, д. г.-м. н. В 1947–1950 гг. председатель Президиума Дальневосточной базы / Дальневосточного филиала АН СССР.

Б.П. Колесников помимо исследовательской и организационной работы в 1947 г. был занят подготовкой текста «АН СССР и ее учреждения в Приморском крае за 25 лет Советской власти» для юбилейного сборника «Советское Приморье», где подробно описывал развитие науки в Приморском крае. Особое внимание было уделено Дальневосточному филиалу в 30-е гг., но без имён репрессированных коллег[74].

Оставив заведывание Почвенно-ботаническим сектором возвратившемуся после защиты Н.Е. Кабанову, остававшемуся и учёным секретарём Базы, Б.П. Колесников возглавил Лабораторию лесоведения и лесоводства, выдвинув коллективные темы «Пихто-еловые леса южного Приморья» и «Лесорастительное районирование и классификация типов леса Приморского края». О докторской диссертации с 1945 г. он публично не заявлял, но её подготовку не прерывал. Н.Е. Кабанов же в 1947 г. занялся созданием геоботанической карты советского Дальнего Востока, исследованием флоры и растительности Курильских островов и разработкой темы «Деревья и кустарники советского Дальнего Востока»[75]. Оба готовились к весеннему полевому сезону 1948 г.

В марте, до начала экспедиций, полевого сезона, на Базе провели научную сессию. Она стала откликом на прошедшую в феврале в МГУ Всесоюзную научную конференцию по проблемам дарвинизма, где, казалось, отечественные генетики выиграли давний спор со сторонниками академика ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко[76], т. е. «мичуринской биологии» = «советского дарвинизма». Конференцию возглавлял академик И.И. Шмальгаузен[77].

Конечно, биологи Дальневосточной базы знали об этой полемике, начавшейся ещё в 1930-е гг. Особого внимания ей они не уделяли ни до, ни после войны, всё относя на счёт аграрной науки, т. е. отраслевого сектора. Но итоги Всесоюзной конференции в МГУ заставили и академический сектор дать оценку состояния отечественной биологии. На Мартовской сессии Дальневосточной базы обсуждение проблемы была сформулирована так: «О борьбе за существование в природе между видами и внутри их»[78]. Организовал и открыл её Н.Е. Кабанов, получивший материалы москвичей. Не останавливаясь подробно на выступлении И.И. Шмальгаузена, он отстаивал позиции отечественных генетиков, отнеся взгляды лысенкоистов к антинаучным, и оказался не одинок. Единичные попытки сотрудников Базы встать на сторону Т.Д. Лысенко прерывались многочисленной отповедью его критиков, настолько резкой, что Сессию прервали и перенесли на следующий день. Но он ничего не изменил. Подводя итоги, Н.Е. Кабанов вновь опровергал научность идей Т.Д. Лысенко. В.С. Слодкевич в ход сессии не вмешивался. Б.П. Колесникова ни среди явных сторонников, ни среди явных противников «нового учения» не

[74] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 192. Л. 8–10.

[75] Там же. Д. 11. Л. 27, 28, 31, 32.

[76] Трофим Денисович Лысенко (1898–1976) – агроном, академик АН СССР и президент (1938–1956 и 1961–1962 гг.) ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина).

[77] Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963) – учёный-генетик, академик АН СССР.

[78] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 247.

было, однако он в достаточно осторожных формулировках говорил о заслугах И.В. Мичурина[79].

Точная дата проведения сессии неизвестна, поскольку её стенограмма в фонде Базы не сохранилась, но после её проведения вскоре основная часть научных сотрудников разъехались по экспедициям. Н.Е. Кабанов проводил исследования на Сахалине и Курильских островах, Б.П. Колесников — в Приморье. По возвращении в сентябре первое, о чём все узнали, — это Сессия ВАСХНИЛ, прошедшая с 31 июля по 7 августа, ознаменовала разгром отечественной генетики (Сойфер, 1993; Голуб, 2017; Колчинский, Ермолаев, 2018). Но с публичным обсуждением её итогов на Базе привычно не торопились, пока не поступило распоряжения партийных органов края. Следуя ему, заседание расширенной сессии учёного совета Базы с участием краевых, партийных, советских, биологических научных институтов и аграрных опытных учреждений с повесткой «Доклад акад. Т.Д. Лысенко на Августовской сессии ВАСХНИЛ и ее решения» прошло 12 октября[80].

С самого начала было ясно, кто окажется под огнём критики. При избрании президиума с отводом кандидатуры Н.Е. Кабанова выступил сотрудник Геологического сектора В.Н. Яковлев, напомнив, что на Мартовской сессии тот проявил себя сторонником И.И. Шмальгаузена. Всё же по результатам голосования Н.Е. Кабанова в президиум избрали[81]. Но это не повлияло на ход заседания. Открывая его, В.С. Слодкевич в пространном докладе охарактеризовал позиции почти всех противников и защитников Т.Д. Лысенко, выступавших на Мартовской сессии. Не забыл он и о её организаторе, хотя был достаточно сдержан: «Неправильную позицию занял руководитель Почвенно-ботанического сектора Н.Е. Кабанов, который, несмотря на длительную подготовку к Сессии, не сумел вовремя исправить ошибок своих сотрудников»[82]. Но, несомненно, желая сгладить сказанное, критически оценил работу всех биологов края, при этом назвав Н.Е. Кабанова в числе лучших из них. Вторым был отмечен Б.П. Колесников[83].

После выступлений руководителей всех научных учреждений Приморья начались прения. Первым попросил слова В.Н. Яковлев, давший отвод кандидатуре Н.Е. Кабанова. Начав с того, что «научные работники, которые весной рукоплескали Шмальгаузену и освистали Лысенко, теперь делают вид, что они за Лысенко…, — он продолжал: — ...а между тем, даже лучшие представители мичуринцев, как, например, Колесников, не осознали, что внутривидовая борьба — это понятие, надуманное буржуазными учеными»[84]. Затем долго перечислял и ошибки В.С. Слодкевича, среди которых выдвинул «очень крупную»: «своим авторитетом Вы прикрыли недостойное поведение Н.Е. Кабанова»[85]. По его словам, Н.Е. Кабанов на Мартовской сессии «всячески убеждал аудиторию в правоте И.И. Шмальгаузена» и даже заключительное слово

[79] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 214.

[80] Там же. Л. 93.

[81] Там же. Л. 100.

[82] Там же. Л. 133–148.

[83] Там же. Л. 137.

[84] Там же. Л. 209, 213.

[85] Там же. Л. 213.

использовал для проповеди его идей[86]. Закончил оратор под аплодисменты словами: «Заключая, я хочу подчеркнуть, что Всеволод Сергеевич либо остался в душе менделистом-шмальгаузенцем, либо вслепую зачитал то, что подсунули ему шмальгаузенцы, которым он продолжает покровительствовать»[87]. После В.Н. Яковлева выступил зав. Сектором биохимии И.Ф. Беликов (рис. 13)[88].

Рис. 13. Игнатий Фёдорович Беликов
Fig. 13. Ignatii Fedorovich Belikov

Он тоже счёл непременным упомянуть Н.Е. Кабанова, который своим вмешательством из «правильной статьи» Д.П. Воробьёва «сделал статью аполитичную»[89].

Н.Е. Кабанов начал с признания, что доклад академика Т.Д. Лысенко:

заставляет всех нас, биологов различных специальностей, пересмотреть всю свою проделанную до сих пор работу, пересмотреть с позиций творческого дарвинизма под углом зрения мичуринской биологии и подчинить задачам социалистического строительства… Все, что было указано в докладе директора Базы В.С. Слодкевича об ошибках, в частности допущенных мною, когда весной на Сессии была недостаточно показана прогрессивная роль мичуринского учения, трудов Мичурина и Лысенко, является совершенно правильным.

[86] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 214–215.

[87] Там же. Л. 217.

[88] Игнатий Фёдорович Беликов (1903–1985) — учёный-растениевод, положивший начало развитию биохимии в науке на Дальнем Востоке, д. б. н. В 1946–1970 гг. сотрудник Дальневосточной базы / Дальневосточного филиала АН СССР.

[89] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 67. Л. 224.

В этой части критику необходимо признать, признаю ее и я, и в дальнейшей работе нужно все это исправить, чтобы единственно верное направление в мичуринской биологии получила надлежащее развитие[90].

Далее напомнил слушателям, что он сам в ряде докладов, как и его коллеги, «не замазывали, а напротив, показывали их роль и значение»[91]. В заключение Н.Е. Кабанов высказал сожаление, что в крае нет подготовки необходимых специалистов[92]. Последняя фраза была рассчитана на присутствующих представителей краевых партийных и советских структур.

Обсуждение Мартовской сессии на этом не закончилось. Слово взял Б.П. Колесников:

Как это для меня ни лестно, все же я себя к этой категории, категории "лучших мичуринцев", не могу отнести. Я даже позволю высказать себе такую мысль, что среди большинства присутствующих здесь научных сотрудников этот почетный и важный, по-моему, эпитет ни к кому приложен быть не может[93].

Он признавался:

К сожалению, страх ломать устаревшие и отжившие научные традиции, подкрепленные именами авторитетных ученых, часто останавливает нас, научных работников, по полпути, заводит нас в тупик половинчатости и примиренчества, — и вернулся к Мартовской сессии: — На весенней сессии многие товарищи выступили с замечаниями о том, что Лысенко неправ, ошибается, выступили с огульными и поспешными обвинениями его в извращении науки и тому подобное… Надо сказать совершенно отчетливо — у руководства нашей Базы тогда было явное проявление позиции объективизма, особенно отчетливое у Н.Е. Кабанова[94].

Вскоре выступил секретарь Приморского крайкома ВКП(б) М.А. Полёхин[95]. Начав со слов о Мартовской сессии, где «имеет место сильное влияние вейсманистско-морганистское направление», он заговорил о Кабанове: «Приходится удивляться тому, что т. Кабанов, выступая на сегодняшней сессии, не признал своих личных ошибок. Мне кажется, что участники Сессии вправе потребовать от т. Кабанова выступить здесь и дать оценку проводимой сессии и своих ошибок»[96].

Н.Е. Кабанов стал объясняться не сразу, а после реплики В.С. Слодкевича. Он понимал, что главное — снять с себя обвинение в «вейсманизме-морганизме»: «После моего выступления я почувствовал, что некоторые товарищи не совсем ясно поняли, когда

---

[90] АРАН. Ф. 409. Оп. 1. Д. 67. Л. 233–234.

[91] Там же. Л. 235.

[92] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 237.

[93] Там же. Л. 245.

[94] Там же. Л. 246–247.

[95] Михаил Арсентьевич Полёхин (1913–1985) – советский хозяйственный, государственный и политический деятель. В 1940-е гг. один из секретарей Приморского краевого комитета ВКП(б).

[96] А ДВО РАН, Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 279.

я говорил по вопросу Мартовской сессии. Критику я признаю правильной. Я повторяю, что работа по исправлению недостатков будет продолжена»[97].

К «продолжению» он обратился только после возвращения с совещания Совета по филиалам и базам, проходившего 30 октября, где вместе со В.С. Слодкевичем участвовал в обсуждении перестройки в биологической науке[98]. С собой они привезли «Краткий отчет о деятельности Дальневосточной базы за 1944–1946 гг. и главнейшие итоги работ за 1944–1948 гг.)». Там было перечислено всё, что сделало руководство Базы для развития «подлинного мичуринского учения». В числе критикуемых оказалась ГТС и Сектор И.Ф. Беликова, а уровень подготовки в руководимом Н.Е. Кабановым Почвенно-ботаническом секторе был назван высоким. О Мартовской сессии в отчёте было сказано: «Она не носила политической заостренности. Но очень слабо была показана прогрессивная роль Мичурина и школы акад. Лысенко … Прогрессивная роль акад. Лысенко была отражена в 3–4 выступлениях». В числе этих выступавших были названы Н.Е. Кабанов и В.С. Слодкевич[99]. Отчёт «защищал» обоих.

Но Н.Е. Кабанов иначе решил свою судьбу, кардинально, получив в Москве согласие на перевод в Институт леса АН СССР, которым руководил акад. В.Н. Сукачёв, открытый противник идей Т.Д. Лысенко (Зонин, 1996, с. 398–410). Вернувшись, он занялся «устранением ошибок в работе», о результатах чего доложил 17 декабря на учёном совете Базы. «Устранение», по его словам, выразилось в «многочисленных беседах с сотрудниками Сектора, в которых разбирались указанные ошибки»[100].

К ответу на главный вопрос, что будет разработано в 1949 г. по мичуринской тематике, Н.Е. Кабанов тоже был готов: по теме «Геоботаническое картирование» предполагалось изучить влияния среды на формирование ландшафта, то же касалось темы «Ржавчина зерновых культур» и всей лесной проблематики[101]. Но он уже знал, что выполнять намеченное предстоит другим: 27 ноября 1948 г. за номером 1326 вышло Распоряжение Президиума АН СССР о его переводе в Институт леса АН СССР на должность старшего научного сотрудника[102]. В начале 1949 г. Н.Е. Кабанов был уже в Москве[103]. Дальний Восток посетил через 10 лет, организовав на Камчатке стационар по изучению лиственных лесов[104].

Б.П. Колесников оставался во Владивостоке. В 1949 г. он продолжал тему «Ботанико-географическое районирование Дальнего Востока», приступив к разработке проблемы восстановления лесов из порослевых древесно-кустарниковых зарослей в лесозащитных районах Приморья.

В этом году Дальневосточную базу преобразовали в Филиал, возродив довоенную аббревиатуру — ДВФАН. К концу же 1950 г., 1 декабря, Президиум АН СССР из-

[97] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 10. Л. 287.

[98] АРАН. Ф. 188. Оп. 3. Д. 349. Л. 75.

[99] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 150. Л. 25–29.

[100] Там же. Д. 10. Л. 318.

[101] Там же. Л. 319.

[102] Там же. Оп. 3. Д. 4. Л. 165.

[103] Здесь необходимо упомянуть устное признание дочери Н.Е. Кабанова, сделанное ею моему коллеге в начале 90-х гг. По её словам, отец уехал, опасаясь преследований за его приверженность идеям генетиков.

[104] [Электронный ресурс]. URL: http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/kabanov.htm.

дал постановление, где, признав, что председатель Президиума ДВФАН профессор В.С. Слодкевич не обеспечил выполнения постановления Президиума АН СССР от 10 ноября 1949 г., утвердил новый состав Совета и установил вторую должность заместителя председателя Президиума ДВФАН, назначив на неё Б.П. Колесникова[105]. К организационной работе в рамках Филиала тот приступил после защиты докторской диссертации по теме «Кедровые леса Приморского края», состоявшейся в Институте леса АН СССР в 1951 г.[106] Он фактически встал у руководства, поскольку после отъезда В.С. Слодкевича был назначен исполняющим обязанности председателя Президиума Филиала[107]. Других претендентов на эту должность в Филиале не было.

Работу Б.П. Колесников, по собственному утверждению, стал перестраивать в «свете генеральных указаний И.С. Сталина», стараясь приблизить научно-исследовательскую деятельность к запросам бурно развивающегося народного хозяйства Дальнего Востока. Ему, учёному-прикладнику, это было очень близко. Того же он требовал от подчинённых. Откликаясь на очередную идеологическую кампанию, попытался восстановить прекративший работу «Мичуринский семинар». Но, в критике его руководителя А.П. Куренцова, как приверженца «чистой науки», вынужден был остановиться: в 1952 г. Алексей Иванович за свои носившие исключительно фундаментальный характер труды в области лесной энтомологии получил Сталинскую премию[108]. В Филиале и без А.И. Куренцова было кого критиковать. 6 марта 1953 г., подводя итоги работы актива Филиала и ставя перед ним задачи по работе с кадрами, Б.П. Колесников с резкими словами обратился к к. б. н. Е.И. Комизерко. В зале поднялся шум: никто не понимал, почему её недавно хвалили, вручили почётную грамоту крайисполкома, а сейчас ругают. Но тут собрание было прервано сообщением о смерти И.В. Сталина. Сообщение слушали стоя, после чего коллектив был призван «еще теснее сплотиться вокруг партии Ленина-Сталина»[109].

К прерванной повестке вернулись 11 марта. Начал собрание руководитель группы экономистов П.В. Тарасов словами о том, что численности в Филиале экономистов и их небольшого стажа работы недостаточно для решения стоящих перед ними задач, а время «настоятельно требует изучения гениального труда т. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”»[110]. Затем разъяснили, почему хвалили раньше Е.И. Комизерко: «чтобы не обижать»[111]. Прения проходили в привычном умиротворенном духе, пока Б.П. Колесникова недавно прибывший в Филиал учёный-химик А.Г. Баюла не обвинил в том, что научная работа в Филиале сведена к ремесленничеству[112]. Тут уже не выдержал И.Ф. Беликов, поскольку Е.Н. Комизерко работала в его Секторе: «Это не критика, Борис Павлович, а рубка с плеча. Мы прислушиваемся к критике и реагируем на нее, но, когда ее превращают в избиение, — это плохо».

---

[105] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 6. Л. 296–299.

[106] Там же. Д. 158. Л. 303.

[107] Там же. Л. 301.

[108] Там же. Д. 160. Л. 115.

[109] Там же. Д. 38. Л. 47–51.

[110] Там же. Л. 54.

[111] Там же. Л. 55.

[112] Там же. Л. 63.

И добавил: «Мы копируем стиль работы руководства Филиала, а отсюда канцеляризмы. Мы больше пишем, чем занимаемся вопросами науки»[113]. Разговор на повышенных тонах продолжил сотрудник того же сектора А.В. Мизеров, говоря о «наличии семейственности, круговой поруки, грубости среди сотрудников, хищениях, отсутствии требовательности и мер наказания к нарушителям трудовой дисциплины со стороны руководства Филиала, партийной и общественной организации»[114].

Это совещание (с участием членов учёного совета от крайкома ВКП(б) и крайисполкома) решило судьбу руководства Филиалом. 5 июня 1953 г. Президиум АН СССР назначил, а 26 октября Общее собрание АН СССР утвердило на пост председателя Президиума ДВФАН д. х. н. В.Т. Быкова (рис. 14)[115].

Рис. 14. Всеволод Тихонович Быков
Fig. 14. Vsevolod Tikhonovich Bykov

Б.П. Колесников остался его заместителем, сохраняя напряжённые отношения с теми коллегами, кого продолжал относить к приверженцам «чистой науки». Одним их таких учёных оставалась миколог Л.Н. Васильева[116]. С момента прохождения Августовской сессии её не оставляли упрёками в увлечении «академизмом», в отсутствии практической значимости проводимых исследований. Не помогла даже за-

[113] А ДВО РАН. Ф. 1 Оп. 13. Д. 38. Л. 67.

[114] Там же. Л. 68.

[115] Там же. Д. 162. Л. 35; Всеволод Тихонович Быков (1905–1977) – учёный-химик, д. х. н. В 1953–1957 гг. председатель Президиума ДВФАН.

[116] Любовь Николаевна Васильева (1901–1985) — учёный-миколог, д. б. н. В 1944–1985 гг. – научный сотрудник ДВ базы / ДВФАН/ДВНЦ АН СССР.

явленная тема о полезных грибах. Тем не менее ей поручили руководство Отделом ботаники и растениеводства: кадров не хватало.

Первый отчёт Л.Н. Васильевой о работе Отдела прошёл на партийном бюро Филиала 14 декабря 1953 г. В ответ на названные ею трудности в работе парторг Е.П. Ожигов попытался всё свести к несложившимся отношениям между ней и Б.П. Колесниковым, но ему тут же стали возражать. Об Августовской сессии не вспоминал никто до выступления Б.П. Колесникова. «В Отделе слаба теоретическая работа… наблюдаются антимичуринские настроения, не произошла перестройка после сессии ВАСХНИЛ», — говорил он, добавив к этому и недостаточную активность научной молодежи, в чём тоже обвинил заведующую[117]. Партбюро, подводя итоги, обязало «исправить сложившуюся ситуацию в Отделе», а исполнителями назначили и Л.Н. Васильеву, и Б.П. Колесникова.

Бориса Павловича — потому, что он оставался сотрудником Отдела и продолжал руководить Лесной лабораторией. Тема по физико-географическому районированию Приморья, заявленная им в конце 1940-х гг., была завершена в 1953 г. с выделением в крае 15 природных округов, объединяемых затем в провинции и области[118]. На заседании Совета Филиала 14 апреля 1954 г. эту работу в числе других отметили как лучшую. Далее перечисляли недостатки в исследовательской деятельности Филиала, связав их с «недостаточным руководством научными отделами со стороны Президиума (В.Т. Быкова, Б.П. Колесникова, В.М. Майорова), недостаточной требовательностью с их стороны к заведующим отделами, слабой проверкой выполнения планов научных исследований и планов внедрения»[119].

Летом 1954 г. Борис Павлович участвовал в выставке на ВДНХ, после длительного перерыва возобновившей свою работу, и, будучи председателем Дальневосточной организации Всемирного совета мира, готовился к поездке в Хельсинки на Всемирную ассамблею мира, планируемую на конец июня 1955 г. Он размышлял над новой темой исследования Лаборатории и продолжал вести организационную работу. Действовать «рубкой с плеча» он уже не мог: в стране вместе со сменой политического руководства постепенно менялся политический климат и форма управления во всех сферах, включая науку. Осенью совершенно неожиданно для него самого начался пересмотр дел репрессированных коллег.

Процесс реабилитации ещё не стал частью внутренней политики КПСС. Это случится в 1956 г. после выхода постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», но уже в 1954 г. органы КГБ стали принимать на рассмотрение ходатайства заключённых, арестованных по 58-й статье и выживших в лагерях. В их числе оказался и В.О. Мохнач. Его обращение к властям привело к реабилитации учёных ДВФАН.

Пересмотр дел поручили вести молодому (ему было тогда 25 лет) следователю Управления комитета государственной безопасности по Приморскому краю Н.Н. Краснову. Он понял, что основанием для ареста послужило заявление одного из сотрудников Филиала, а для вынесения обвинительного заключения, кроме

---

[117] ГАПК. Ф. П-1494. Оп. 1. Д. 3. Л. 32–34.

[118] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 164. Л. 40.

[119] Там же. Д. 20. Л. 4–6.

этого заявления, — упомянутый акт экспертизы[120]. Не находя в материалах дела фактов, подтверждающих «вредительство», Н.Н. Краснов обратился к председателю Президиума ДВФАН В.Т. Быкову, в 1930-х гг. работавшему в Институте химии Филиала, предложив ему ряд вопросов и получив на них письменный ответ. От В.Т. Быкова он узнал, что в ДВФАН по-прежнему работает Б.П. Колесников, и через неделю пригласил его на беседу. Н.Н. Краснов задал ему расширенный список вопросов, поскольку из материалов дела выяснил, что в основу текста акта были положены два подготовительных документа. Один из Сектора геологии за подписью двух его сотрудников, членов Комиссии[121]. Автором другого, раскрывавшего не просто «вредительство» в биологии, а прямое участие в нём А.С. Порецкого, был только один — Б.П. Колесников[122].

В этом пространном документе приводить конкретные факты «вредительства» за их отсутствием Б.П. Колесникову было трудно, и он прибег к ряду аргументов, упомянув о «честных советских специалистах, не позволивших Порецкому проводить вредительство открыто»: «…Порецкий, игравший среди врагов народа из Филиала, как теперь совершенно ясно, одну из руководящих ролей, принужден был маскироваться, двурушничать, лицемерить, заниматься провокациями, вести вредительство осторожно и тонко». А далее к вредительству свёл всю организационную и научную работу арестованного[123]. Текст завершённого акта не удовлетворил Б.П. Колесникова, и он на одной из машинописных его копий чернилами дополнил его, доказывая «вредительство» арестованных. В деле сохранились оба варианта.

Отвечая на вопросы Н.Н. Краснова, Б.П. Колесников свой разоблачающий документ назвал «Запиской», подготовленной по просьбе парторга ДВФАН, о дальнейшей судьбе которой ничего не знает, и пояснял:

> В ней я пытался логически объяснить, почему “враг народа” — Порецкий (в справедливости такой оценки после ареста его органами ОГПУ и разъяснений, полученных на собраниях в Филиале, я не считал себя вправе сомневаться) не проявил своей открытой и явной вредительской деятельности как научный руководитель Ботанического отдела и как один из руководящих работников Филиала[124].

О работе в Комиссии написал: «Из моей памяти выпали обстоятельства моего участия в составе экспертной комиссии по делу арестованных лиц, и если бы мне не показали Акт, под которым стоит моя подпись, то я, вероятно, вообще не вспомнил бы ничего о работе этой Комиссии». А далее пояснил: во время арестов он был в поле, а приехал, когда уже велись собрания, где арестованные были названы вредителями и агентами иностранной разведки:

> Сомнений в достоверности этих оценок, исходящих от руководящих работников Филиала сотрудники открыто не высказывали. Экспертная комиссия была создана, по-види-

[120] Архив Е.В. Васильевой. Папка «Репрессии». Письмо бывшего следователя УКГБ по Приморскому краю Н.Н. Краснова от 19 апреля 1990 г. С. 1.

[121] ГАПК. Ф. 1588. Б/о. Д. П-25979. Л. 107–124.

[122] Там же. Л. 135–145.

[123] Там же. Л. 135.

[124] Там же. Д. П-32229. Т. 2. Л. 74, 89.

мому, в середине весны 1938 г. и работала недолгое время. Кем она была создана, не помню; давались ли комиссии инструкторские указания посторонними для Филиала лицами, тоже не помню[125].

Текст же акта отнёс к необъективным, поясняя: «Но он и не мог быть объективным, т. к. вся обстановка того времени не представляла условий для проявления объективного подхода к оценке деятельности лиц, арестованных как враги народа и агенты иностранных разведок, — и назвал причины: — Эта общая ненормальная обстановка, имевшая характер "всеобщего психоза" исключала возможность для объективного подхода к оценке деятельности арестованных лиц, если даже у отдельных членов комиссии и возникали мысли о невиновности арестованных»[126]. Необходимо отметить, что оценка происходившего в 30-е гг. Б.П. Колесниковым была дана за несколько лет до XX съезда КПСС. Ответы заняли 17 машинописных страниц и, судя по проставленным автором датам, готовился с 14 по 20 октября 1954 г.[127]

При встрече Н.Н. Краснов показал Б.П. Колесникову исправленный им текст акта.

Борис Павлович, — писал он, — не стал запираться, когда я ему предъявил Акт с исправлениями. Он просто снял очки, подошел к прибитой к полу табуретке для обвиняемых (тогда так было заведено) сел на нее и сказал: "Судите меня. Я негодяй". Он очень подробно рассказал, как работники НКВД его просили, а затем вынуждали дать показания на приехавших из Москвы и местных ученых, завербованных, якобы, москвичами. Он клялся, что покривил душой и погубил хороших людей, которые верили ему… По ночам эти люди часто снятся ему[128].

Не дождавшись реакции местной прокуратуры на представленные материалы, Н.Н. Краснов вновь встретился с В.Т. Быковым и передал ему состоявшийся разговор. По его словам, все подробности дела не просто возмутили В.Т. Быкова, он сказал, что приложит все усилия для того, чтобы Колесникова в Филиале больше не было[129]. 14 декабря 1955 г. Президиум ДВФАН вынес постановление 295, пункт 4 которого гласил: в связи с переводом проф. Б.П. Колесникова в Уральский филиал АН СССР освободить его от руководства Лабораторией лесоведения и лесоводства[130].

Дальневосточная тайга Б.П. Колесникова с Н.Е. Кабановым в дальнейшем не связывала, друзьями же они не были никогда.

---

[125] ГАПК. Ф. 1588. Б/о. Д. 32229. Т. 2. Л. 79–80.

[126] Там же. Л. 82–83.

[127] Там же. Л. 74–91.

[128] Письмо бывшего следователя УКГБ по Приморскому краю Н.Н. Краснова от 19 апреля 1990 г. С. 3.

[129] Там же.

[130] А ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 42. Л. 339–340.

Литература

Голуб В.Б. Утраченная в СССР концепция «подвижного равновесия» // Историко-биологические исследования. 2017. Т. 9. № 1. С. 40–67.

Зонин С.В. Владимир Николаевич Сукачев // Творцы отечественной науки: географы. М.: Агар, 1996. С. 398–410.

Иванов А.В., Пышкин В.Б., Бойко Г.Е. Колесников Борис Павлович — выдающийся лесовод и эколог // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Биология, химия». 2008. Т. 21 (60). № 1. 2008. С. 37–43.

Кабанов Николай Евгеньевич (биография). [Электронный ресурс]. URL: http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/kabanov.htm (дата обращения: 18.10.2019).

Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (Дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 274 с.

Колчинский Э.И., Ермолаев А.И. Разгромный август 1948 года: Как власть боролась с биологией // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 89–112.

Краткий отчет Дальневосточного филиала АН СССР за 1936 г. Владивосток: типо-лит. им. Волина, 1937. 53 с.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М.: Изд-во МФД, 2004. 736 с.

Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.: Кучково поле, 2006. 496 с.

Политические процессы 30–50-х годов. М.: Изд-во политической литературы, 1994. 304 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.

Юшкевич А.П. «Дело» академика Н.Н. Лузина // Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 377–394.

Nikolai Evgenievich Kabanov and Boris Pavlovich Kolesnikov. One taiga — one destiny?..

Elena V. Vasileva

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; evasileva12@yandex.ru

This article examines the models of behaviour of two scientists from the Far East in the 1930s/1940s, the years of rigid ideologisation of Soviet science. These scientists were two prominent dendrologists, Nikolai Yevgenyevich Kabanov and Boris Pavlovich Kolesnikov. Both were Doctors of Biological Sciences, Boris Pavlovich holding the academic title of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, and both of them holding the honorary title of "Honoured Scientist of the RSFSR." Each of them had an extensive list of publications and nu-merous pupils. Both had developed as scientists in the Far East and both left there. The article sheds light on new pages in the social history of science, drawing on previously unused archival documents.

Keywords: science, geobotany, Far Eastern State University, Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences, ideologization of science.

References

Golub V.B. (2017). Utrachennaia v SSSR kontseptsiia “organicheskogo ravnovesiia” [The lost concept of “organic balance” in the USSR], *Isoriko-biologisheskie issledovaniia* [Studies in the History of Biology], 9 (1), 40–67. (in Russian).

Ivanov A.V., Pyshkin V.B., Boyko G.E. (2008). Kolesnikov Boris Pavlovich — vydaiushchiĭsia lesovod i ekolog [Kolesnikov Boris Pavlovich, an outstanding arboriculturist and ecologist], *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional′nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriia “Biologiia, khimiia”* [Transactions of the V.I. Vernadsky Tavrichesky National University. Series “Biology, Chemistry”], 21 (60) (1), 37–43.

Kabanov Nikolay Evgenyevich (biography). Retrieved October 10, 2019 from http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/kabanov.htm. (in Russian).

Kolchinsky E.I, Ermolaev A.I. (2018). Razgromnyĭ avgust 1948 goda: Kak vlast′ borolas′ s biologieĭ [The August 1948 debacle: how the government fought biology], *Politicheskaia kontseptologiia,* 3, 89–112. (in Russian).

Kolchinsky E.I. (1999). *V poiskakh sovetskogo “soiuza” filosofii i biologii (Diskussii i repressii v 20-kh — nachale 30-kh gg.)* [In Search of a Soviet “Union” of Philosophy and Biology (Discussions and Repressions in the 1920s/ early 1930s)], St. Petersburg: Dmitriĭ Bulanin. (in Russian).

Kratkiĭ otchet Dal′nevostochnogo filiala AN SSSR za 1936 g. [A summary report of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences for 1936]. (1937). Vladivostok: tipo-lit. im. Volina. (in Russian).

Lubianka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. 1937–1938 [Lubyanka. Stalin and the Main Directorate of State Security of the NKVD. 1937–1938]. (2004). Moscow: isdatel’stvo MFD. (in Russian).

Mozokhin O.B. (2006). *Pravo na repressii: Vnesudebnye polnomochiia organov gosudarstvennoĭ bezopasnosti (1918–1953)* [The right to repressions: Extra-judicial powers of state security bodies (1918–1953)], Moscow: Kuchkovo pole. (in Russian).

Politicheskie protsessy 30–50-kh godov [Political processes of the 1930s–1950s]. (1994). Moscow: izdatel’stvo politicheskoĭ literatury. (in Russian).

Soifer V.N. (1993). *Vlast’ i nauka. Istoriia razgroma genetiki v SSSR* [Power and science. The history of the destruction of genetics in the USSR], Moscow: Lazur’. (in Russian).

Yushkevich A.P. (1991). «Delo» akademika N.N. Luzina [“The case” of Academician N.N. Luzin], *Repressirovannaia nauka* [Repressed science], (pp. 377–394), Leningrad: Nauka.

Zonin S.V. (1996). Vladimir Nikolaevich Sukachev. In *Tvortsy otechestvennoĭ nauki: geografy* [Creators of Russian Science: geographers], (pp. 398–410), Moscow: Agar.